

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие к новому изданию</i>	8
<i>Введение</i>	12
<i>Глава 1. Социальное пространство Просвещения</i>	20
Лики авантюриста	20
Информационное пространство	37
Щеголи и философы, купцы и короли	60
Вольтер, Руссо и авантюристы	74
Тайна и общественное мнение	93
<i>Глава 2. Литературное пространство Просвещения</i>	101
Книги в романах и судьбе авантюристов	101
Повествовательные жанры	116
Авантюрист на европейской сцене	135
Литературные мифы (Дон Жуан, Эдип, Фауст, Вечный жид)	156
Литература и алхимия	173
Образцовое государство лотереи	192
<i>Глава 3. Географическое пространство Просвещения</i>	211
Иностранцы в России	211
Утописты при дворе Екатерины II	218
Как переделать мир. Авантюристы, фавориты и самозванцы	240
Республика авантюристов. Барнард де Сен-Пьер	256
Политическая навигация. Барон Билиштейн	269
Пространство утопии. Восточный принц	307
Как преуспеть в России. Казанова	322
Служить и прислуживаться	339
<i>Заключение. Авантюрист и время</i>	362

Приложения

Путешествие французского литератора из Москвы в Петербург (1745)	364
Барон де Чуди (1756)	382
Граф де Сен-Жермен (1759–1760)	387
Золтыкоф Альтенклинген (1760)	390
Маркиз д'Аржанс (1765)	392
Граф Сигизмунд фон Редерн (1769–1771)	393
Иосиф Абаиси (1771)	399
Степан Заннович (1773–1775)	401
Анахарсис Клоц и шевалье д'Эон (1792)	407
<i>Список сокращений</i>	410
<i>Указатель имен</i>	412

Памяти мамы

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Я писал книгу об авантюристах в 1990-е годы, и за это время исчез Советский Союз и полностью изменилась жизнь. Прежние планы и цели потеряли смысл. То, что казалось неизблемым, рухнуло. Во многих семьях женщины сочли, что надо спасаться, забирать детей и уезжать за границу, а мужчины подумали, что именно сейчас в России перед ними открылись все пути. В 1980-е годы я мечтал работать в Институте мировой литературы, но, когда попал туда в 1989 году, надо было искать иные средства существования. Рубль обесценился, месячная зарплата научного сотрудника в начале 1990-х годов была равна 8 долларам. До 1999 года я жил между Россией и Францией, и когда у меня спрашивали друзья, где я нахожусь, то отвечал, что могу указать не место, но время: 1767 год. В начале царствования Екатерины II я чувствовал себя вольготно.

В России конца XX века у многих было ощущение, что живешь уже после конца света. Во Франции XVIII века, в канун революции и после нее, люди испытывали подобные чувства. Роберт Дарнтон в прекрасной книге о закате Просвещения показал, как Франц Месмер исцелял людей, передавал нисходящую из космоса энергию, заряжал ею бассейны с водой. Совершенно так же в России Алан Чумак заряжал по телевидению воду, которые люди наливали в графин, ставили у экрана телевизора и исправно пили. Астролог Павел Глоба регулярно предсказывал будущее. По всей стране размножились экстрасенсы, целители, ворожеи.

Замысел книги возник под влиянием идей М.М. Бахтина, ярким пропагандистом которого был профессор МГУ

В. Н. Турбин, книг и статей Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, посвященных житнетворчеству, их лекций и семинаров, которые я посещал вместе с моими университетскими друзьями.

Моя кандидатская диссертация 1983 года, посвященная типологии французского романа эпохи Просвещения, персонажам и сюжетным моделям, увы, осталась неопубликованной. Но она помогла мне окунуться в галантный мир XVIII столетия, описать правила поведения петиметров, либертенгов, куртизанок. Перевод мемуаров Казановы, который я сделал в соавторстве (книга вышла в 1990 году, 9 переизданий, суммарный тираж превысил 700 000 экземпляров), помог мне изменить стиль, отказаться от «научообразия». Приехавший в Москву в том же 1990 году Жорж Дюлак, замечательный исследователь XVIII века, приохотил меня к работе в архивах, поиску неизвестных, неопубликованных документов, писем, рукописей. Я почувствовал, что перенесся в далекий мир Республики Словесности и остался в нем жить.

Благодаря Жоржу Дюлаку я в 1991 году приехал в Париж на стипендию Дидро в Дом наук о человеке, затем преподавал в университете города Монпелье в качестве приглашенного профессора, получил временную ставку в CNRS. Я познакомился с замечательными учеными Жаком Прустом, Робертом Дарнтоном, Беатрисой Дидье, Морисом Лавером, Шанталь Тома, Франсуа Муру, Мишелем Делоном и многими, многими другими, в том числе со знатоками творчества Казановы Гельмутом Вацлавиком, Мари-Франсуазой Луна, Фурио Луччикенти, Жераром Лауати. Они приняли меня как своего, радушно и щедро помогали в научных изысканиях, тактично поправляли. Всем я им искренне благодарен.

Книга об авантюристах росла из докладов на международных конференциях и конгрессах, из статей и лекций, из работы в архивах многих стран, из удивительных находок.

В 1990-е годы житнетворчество стало для меня реальностью. С эмоциональной точки зрения рассказ об эпохе Просвещения был отчасти автобиографичным. Подобно авантюристам, я должен был играть всевозможные роли, отвечать «да» на все предложения судьбы. Я преподавал

во Франции французскую литературу XVIII века, не имея почти никакого педагогического опыта. Я писал статьи на французском и вспоминал, как Казанова высмеивал свои ошибки во французском языке, а заодно свои невольные, но, увы, нередкие бестактности. Не говоря уже о том, как ближе к сорока годам, «земную жизнь пройдя до половины», Казанова почувствовал, что надо решать, где и как бросить якорь. В какой-то момент мне стало казаться, что судьбы моих героев перекликаются с моей, и я даже боялся читать архивные документы, чтобы не накликал беду. Но потом все же их прочел.

Книга появилась сначала на французском, благодаря Бетатрисе Дидье, а затем в расширенном варианте на русском, благодаря Ирине Прохоровой, с которой дружу с университетских лет. Однако я не расстался со своими героями: я писал о Казанове, д'Эоне, Билиштейне¹ и других. Работы составили книгу, изданную на французском: «Россия и Франция эпохи Просвещения: Монархи и философы, писатели и шпионы» (1997)². Получилось продолжение — двадцать лет спустя. Надеюсь, что оно тоже будет напечатано в России. В других работах, на ином материале, я вновь обращаюсь к принципиально важной для меня теме: как завоевать репутацию в чужой стране³.

В новое издание «Авантюристов Просвещения» я внес небольшую стилистическую правку, в том числе в большинстве случаев поменял академическое «мы» на личное «я», сделал несколько исправлений, уточнений и сносок на более поздние работы, небольшие сокращения. По просьбе издательства я упростил заглавие и отказался от иллюстраций.

¹ *Ériger une République souveraine, libre et indépendante (Mémoires de Charles-Léopold Andreu de Bilistein sur la Moldavie et la Valachie au XVIIIe siècle)* / éd. I. Mihaila, A. Stroeve. Bucarest: Roza Vânturilor, 2001.

² *Stroeve A. La Russie et la France des Lumières: Monarques et philosophes, écrivains et espions.* Paris: Institut d'études slaves, 2017.

³ *Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française: une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki* / éd. A. Stroeve. Paris, PSN, 2019; *Строев А. Литературные судьбы русских писателей во Франции.* М.: Литературный факт, 2023.

Я сердечно благодарю свою жену Галину Кабакову, внимательно вычитавшую текст.

Книга выходит через четверть века, когда опять на очень многих в России обрушились жизненно важные вопросы, требующие кардинальных решений. «Похоже — стала вновь Россия кочевой», как писал поэт по совсем иному поводу.

Лето 2023 года

ВВЕДЕНИЕ

«Если хотите проведать обо всех авантюристах на свете, наших современниках, обращайтесь ко мне, ибо я знал всех их *funditus et in cute*»¹, — писал Джакомо Казанова в конце жизни своему другу графу Ламбергу². В мемуарах он поминает до полусотни искателей приключений: итальянцев, французов, далматинцев и даже одного русского, некоего Карла Иванова, сына часовщика из Нарвы, выдававшего себя за принца Карла Курляндского. Их было гораздо больше в этом столетии.

Век Просвещения намеревался открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости. Но чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории. Великая утопия породила великий террор, вершиной романа воспитания стали творения маркиза де Сада, поиск высшего знания привел к расцвету мистических учений. Энциклопедисты проиграли тем, кто вслед за Руссо обращался не к разуму, а к чувствам людей. XVIII век пытался цивилизовать на французский манер весь крещеный мир, превратить его во «Французскую Европу», где от Атлантики до Урала читали бы одни и те же книги, одинаково говорили, думали и одевались³. И на протяжении всего столетия жгучий интерес вызывали

¹ С лица и с изнанки (*лат.*).

² Прага, 28 июля 1787 г. — *Casanova G. Patrizi e avventurieri, dame e ballerine. In cento lettere inedite.* Milano, Corbaccio, 1930. P. 295.

³ См.: *Carraccioli L.-A. L'Europe française.* Turin; Paris: Vve Duchesne, 1776.

не правила, а исключения. В первую очередь — дикари и чужеземцы, начиная от «Диалогов барона де Ла Онтана и американо-дикаря» (1704) и «Персидских писем» Монтескье (1721) до «Микромегаса» и «Простодушного» Вольтера. Мир Востока заполняет французскую прозу, там происходит действие едва ли не каждого пятого произведения¹. Важно мнение постороннего — чужака и чудака, вроде «Племянника Рамо» Дидро; безумец превращается в носителя иной правды, иной логики, если не в пророка².

Чтобы понять саму себя, классическая культура определяет свои границы, описывает то, чем она не является, и постепенно проникается правотой своих антиподов. Именно в эпоху Просвещения перерастает в уверенность подозрение, что женщины, дети, простой народ³ — отнюдь не недоразвитые мужчины-аристократы, а самостоятельные личности. Возникает идея исторического развития, представление о самоценности и принципиальном различии эпох.

Потому столь важно для понимания Просвещения анализировать маргинальные фигуры и явления, рассматривать правила через исключения. Авантюристы XVIII столетия — зеркало, в котором отражаются тайные желания и надежды, страхи и фантазмы общества. Каковы герои, шарлатаны и обманщики, таковы и исторические источники. Занимаясь ими, исследовать приходится не столько общественное сознание, сколько подсознание культуры, анализировать ненаписанные тексты и непроизошедшие события. Место исторических фактов и литературных произведений занимают легенды, домыслы, слухи.

В последнее время французские ученые все чаще обращаются именно к этой сфере культурного менталитета Просвещения: сошлемся на работы Арлет Фарж, Шанталь

¹ *Dufrenoy M. L. L'Orient romanesque en France, 1704–1789. Montréal: Beauchemin, 1946–1947. 2 t.*

² *Foucault M. Folie et déraison, histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961.*

³ См. сб.: *L'Homme des Lumières de Paris à Pétersbourg. Napoli: Vivarium, 1995* и особо статью Жака Ревеля: *Revel J. L'envers des Lumières: les intellectuels et la culture populaire en France (1650–1800). P. 237–259.*

Тома, Антуана де Бека, Жан-Жака Татена. Я вполне сознательно вторгаюсь в область социальной психологии с литературоведческим инструментарием: то, что во Франции считалось достоянием историков (школа «Анналов») или философов, в России проходило по ведомству филологии. От работ М. М. Бахтина, от книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929) идет традиция рассматривать поступки как высказывания, описывать жанры речевого и бытового поведения. Соответственно можно определить жанр поведения, свойственный авантюристам XVIII в., и его основные подтипы: чудотворец, целитель, алхимик, самозванец, прожектор и т. д. Этот жанр поведения входит в общую систему ролевых стереотипов эпохи, где ему противостоят ампула щеголя, философа или игрока.

С 1970-х годов русская семиотическая школа рассматривает бытовое поведение эпохи как знаковую систему. Б. А. Успенский сформулировал этот принцип как «история *sub specie semioticae*». В рамках исследований по семиотике устной речи Б. М. Гаспаров и его последователи проводили нарративный анализ отдельных судеб.

Итак, исторические события изучаются в качестве художественных текстов: выделяются повторяющиеся мотивы в биографии реальных людей и литературных персонажей, прослеживается единая логика событий, выстраивается система действующих лиц. Одновременно предлагается спектр возможностей и создается инвариант судьбы авантюриста.

Работа ведется одновременно на трех уровнях: жизнь, легенда, литература. Культурная среда XVIII в. исследуется через сопоставительный анализ топосов, повествовательных моделей, созданных в европейской прозе и драматургии (в первую очередь французской, но также русской и итальянской), в мемуарных, эпистолярных, юридических и дипломатических жанрах, в памфлетах, следственных делах и донесениях. Материалом служат как великие творения, так и полузабытые книги, неопубликованные тексты и архивные документы.

Психологический тип авантюриста рассматривается в его преломлении в трех различных сферах: социальной,

художественной и географической. Его жизнь предстает как три последовательных путешествия: в обществе, в культуре и мире, как путь на окраину цивилизации — в Россию. Социальное путешествие помогает понять роль искателя приключений в информационной системе Просвещения, его влияние на новую силу — общественное мнение, его взаимоотношения с эмблематическими фигурами эпохи: щеголем, монархом, купцом, философом. Страстные, ревнивые и восторженные чувства у рыцаря удачи вызывают два великих философа: Вольтер и Руссо.

Литературное путешествие показывает авантюриста в романе и на сцене, сопоставляет его жизнь с повествовательными моделями эпохи, с мифами и бродячими сюжетами (Дон Жуан, Фауст, метаморфоза, трагедия). Третья часть книги посвящена судьбам и утопическим проектам тех, кто пытался преуспеть в Российской империи.

В соответствии с тремя сферами я выделяю три критерия, которые ограничивают понятие «авантюрист», «рыцарь удачи». Во-первых, он выходец из третьего сословия или, реже, бедный дворянин; он поддельный граф или принц, ему не суждено стать всемогущим фаворитом. Во-вторых, он не заурядный плут, а человек пишущий, литератор. В-третьих, среди многочисленных искателей приключений нас интересуют в первую очередь те, кто связан с Россией.

Путешествие на Север (Восток в культурной мифологии эпохи отдан Турции и Египту) — почти необходимая глава из жизни рыцарей удачи. Без него не могут обойтись неутомимые странники, объезжающие весь свет в поисках счастья, подобно герою басни Лафонтена, который после долгих скитаний нашел свою долю на пороге отчего дома. Даже те, кому не довелось добраться до России, как, например, Анж Гудар, посвящали ей романы и трактаты, переписывались с русскими вельможами, обращались к императрице. Интересные параллели дают приключения в Европе российских искателей удачи, сопоставления социальных типов западного авантюриста и русского самозванца. Тем самым исследование романов и судеб позволяет уточнить и дополнить картину культурных связей между Россией и Францией. Хронологические

рамки работы — вторая половина XVIII столетия, «золотой век» самозванцев и авантюристов, время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Строго говоря, под такое определение авантюриста, связанного с Россией, подходит не так уж много людей. Французы: Луи Шарль Фужере де Монброн (1706–1760), Анж Гудар (1708 — ок. 1791), барон Теодор Анри де Чуди (1724–1769), шевалье Шарль д'Эон де Бомон (1728–1810), барон Шарль Леопольд Андреу де Билиштейн (1724 — ок. 1777), Жак Анри Бернард де Сен-Пьер (1737–1814), Тимолеон Альфонс Гальен де Сальморанк (ок. 1740 — после 1785). Итальянцы: Джованни Микеле Одар (ок. 1719 — ок. 1773), Джакомо Казанова (1725–1798), Джузеппе Бальзамо, он же граф Алессандро Калиостро (1743–1795). Швейцарец Франсуа Пьер Пикте (1728–1798). Украинец Иван Тревогин или Тревога, он же принц Голкондский (1761–1790). Далматинцы братья Занновичи: Премислав Марко (ок. 1747 — после 1790), Степан, он же принц Кастриотто Албанский (1751–1786), и Ганнибал (ум. после 1788). Венгры: барон Франсуа Тотт (1733–1793) и его брат граф Андре Тотт (1730 — после 1802). Люди без родины: граф Сен-Жермен (ок. 1696 — 1784), княжна Елизавета Владимирская, она же княжна Тараканова (ум. 1775).

Разумеется, остается огромное число искателей приключений, лишь частично удовлетворяющих предложенному определению. Это, во-первых, те, кто не имеет прямого отношения к Республике Словесности: комедианты, танцовщики, музыканты (Кампиони, Джузеппе Даль Ольо), учитель фехтования (Даррагон), ювелир (Бернарди), врач (Лесток), офицеры и военачальники (принц Карл Генрих Нассау-Зиген, Семен Зорич, Иосиф де Рибас, Георг Магнус Спренгтпортен), самозванцы (правитель Черногории Степан Малый, принц Курляндский Карл Иванов, принц Турецкий Изанбей, принц Палестинский Иосиф Абаиси, князь Польский Лицын, принцесса Брауншвейгская и др.), мистики (польский граф Фаддей Грабянко), картежники, фальшивомонетчики и т.д. Во-вторых, литераторы и дипломаты, которых лишь отчасти можно считать авантюристами: Фридрих Мельхиор Гримм, Герман Лафермьер, библиотекарь великого

князя Павла Петровича, граф де Сегюр, Виван Денон. И наконец, те писатели, которые мало или почти никак не связаны с Россией, но складом характера, манерой поведения, непредсказуемыми поступками и неладом с властями весьма напоминают искателей приключений: шевалье Шарль де Фье де Муи, Жан-Батист де Буае маркиз д'Аржанс, Франсуа Антуан Шеврие, Мобер де Гуве, аббат Анри Жозеф Дюлоран, Пьер Огюстен Карон де Бомарше, Карло Гольдони, Лоренцо да Понте. Да и великим философам, в первую очередь Вольтеру, любовь к Просвещению отнюдь не мешала ухаживать за переменчивой Фортуной. Не вписываются в указанные хронологические рамки знаменитый травести XVII в. аббат де Шуази и его современник, авантюрист Бризасье. Но, разумеется, я буду обращаться к их творениям и судьбам для сравнений, для восстановления культурного и социального контекста.

Нельзя сказать, что авантюристы Просвещения вовсе не привлекали внимания исследователей. Существует капитальная диссертация Сюзанны Рот «Приключение и авантюристы XVIII века. Опыт литературной социологии» (1980)¹, где, пожалуй, впервые дан социальный и психологический анализ этого феномена, собран большой фактический материал. Весьма интересны по идеям и по материалу эссе Стефана Цвейга о Казанове, вошедшее в книгу «Три поэта своей жизни» (1928), монографии Франца Функ-Брентано² и, разумеется, Роберта Дарнтона³. Существует огромное число работ, посвященных знаменитым авантюристам, в первую очередь Калиостро, д'Эону, Казанове. Но очень многие из них грешат неточностями, идущими от неразличения правды и вымысла, персонаж подгоняется под легенду. Так, кавалерша д'Эон превратилась в предвестника и глашатая идей феминизма. Подлинный текст мемуаров Казановы,

¹ Roth S. Aventure et aventuriers au XVIIIe siècle. Essai de sociologie littéraire. Thèse, Lille, 1980. Т. 1–2.

² Funck-Brentano F. Figaro et ses devanciers. Paris: Hachette, 1909.

³ Я пользовался французскими переводами: *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution*. Paris: Gallimard; Seuil, 1983; *La fin des Lumières*, Paris: Perrin, 1984, и др.

хранимый издательством Брокгауз, стал доступен читателям только в 1962 г.; история рукописи и ее переделок напоминает авантюрный роман¹. До этого исследователям приходилось довольствоваться обработкой Лафорга, который переписал эротические эпизоды, выбросив все гомосексуальные приключения, изменил стиль и взгляды Казановы, сделал из католика и противника Революции чуть ли не атеиста и демократа. Разумеется, биография славного венецианца изучена очень неплохо благодаря трудам Шарля Самарана и Джона Райвеса Чайдлса, а также специализированным «казановедческим» журналам (*Pages casanoviennes*, *Casanova Gleanings*, *Intermediaire des casanovistes*). Многие неизвестные тексты были опубликованы в 1993 г. как приложение к парижскому изданию «Истории моей жизни» (издательство Лаффон). Но все же пока отсутствует полное издание переписки Казановы и посвященного ему словаря, работа над которыми ведется.

Для раскрытия понятия приключения, взаимоотношений авантюристов и общества для меня были принципиально важны книги и статьи философов, социологов и психологов: Гюстава Лебона, Жана Габриеля Тарда, Зигмунда Фрейда, Георга Зиммеля, Карла Абрахама, Норберта Элиаса, Эриха Фромма, Владимира Янкелевича и др.

При изучении российских приключений рыцарей удачи я опирался в первую очередь на работы историков Е. П. Карновича², Д. Ф. Кобеко, В. А. Бильбасова, А. Барсукова, а также на статьи М. П. Алексева, М. Н. Поповой, П. Н. Беркова. Отмечу, что тема самозванчества достаточно подробно разработана современными исследователями: сошлюсь на труды К. В. Чистова, Б. А. Успенского, А. С. Мыльникова, Л. В. Светлова, М. Д. Курмачевой, А. Л. Топоркова, К. С. Ингерфлома и др. Но все же мне удалось найти ряд новых материалов об авантюристах в русских и зарубежных архивах.

¹ *Watzlawick H.* Biographie d'un manuscrit // НМВ. Т. 1. Р. XV-XXVIII.

² *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб.: Суворин, 1884.

* * *

Я выражаю искреннюю признательность за ценные замечания и помощь в работе сотрудникам Отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, где была написана эта книга, а также коллегам из Центра по изучению XVIII века (Монпелье), администрации Дома наук о человеке (Париж) и ее руководителю Морису Эмару, Британской Академии и Фонду Вольтера (Оксфорд), Институту философии (Неаполь), благодаря которым я получил возможность работать в европейских библиотеках и архивах.

Данная книга представляет собой расширенный и переработанный вариант французского издания (*Les Aventuriers des Lumieres*. Paris: Presses Universitaires de France, 1997). Основные ее положения были представлены в виде докладов на международных конгрессах и конференциях, первоначальные варианты некоторых глав были опубликованы как статьи. Они легли в основу курсов лекций, прочитанных в 1995–1997 гг. в Университете Поля Валери (Монпелье) и Высшей Нормальной школе (Париж).